

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ КАВАСИЛА

ИЗЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

Святой Николай Кавасила
**Изъяснение Божественной
Литургии, обрядов
и священных одежд**

«Сибирская Благовонница»

1857

Святой Николай Кавасила

Изъяснение Божественной Литургии, обрядов и священных одежд
/ Святой Николай Кавасила — «Сибирская Благовонница»,
1857

Публикуемые творения известного в православном мире, и особенно в Греции, византийского святого XIV века Николая Кавасилы посвящены толкованию Божественной Литургии, ее обрядов, а также священных одежд православных священников. Св. Николай, как последователь великого византийского исихаста свт. Григория Паламы, несколько меняет направление исихастской мысли с исихазма монашеского (ярком представителем которого был св. Палама) на исихазм для мирян, несколько не меняя самого духа данного знаменитого православного движения. Для этого он обращается к литургическому наследию христианской Церкви и рассматривает главный смысл Таинств Церкви и ее богослужения с точки зрения исихастской идеи о необходимости прижизненного соединения с Богом через Причастие нетварной Божественной благодати. В приводимых творениях святого отца читатель открывает для себя духовное измерение привычных чинопоследований и элементов богослужения, что позволяет ему с новыми мыслями и чувствами еще более глубоко проникаться благодатной жизнью Православной Церкви как мистического Тела Христова.

© Святой Николай Кавасила, 1857

© Сибирская Благовонница, 1857

Содержание

Изъяснение божественной Литургии	8
1	9
2	13
3	14
4	15
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Святой Николай Кавасила Изъяснение Божественной Литургии, обрядов и священных одежд

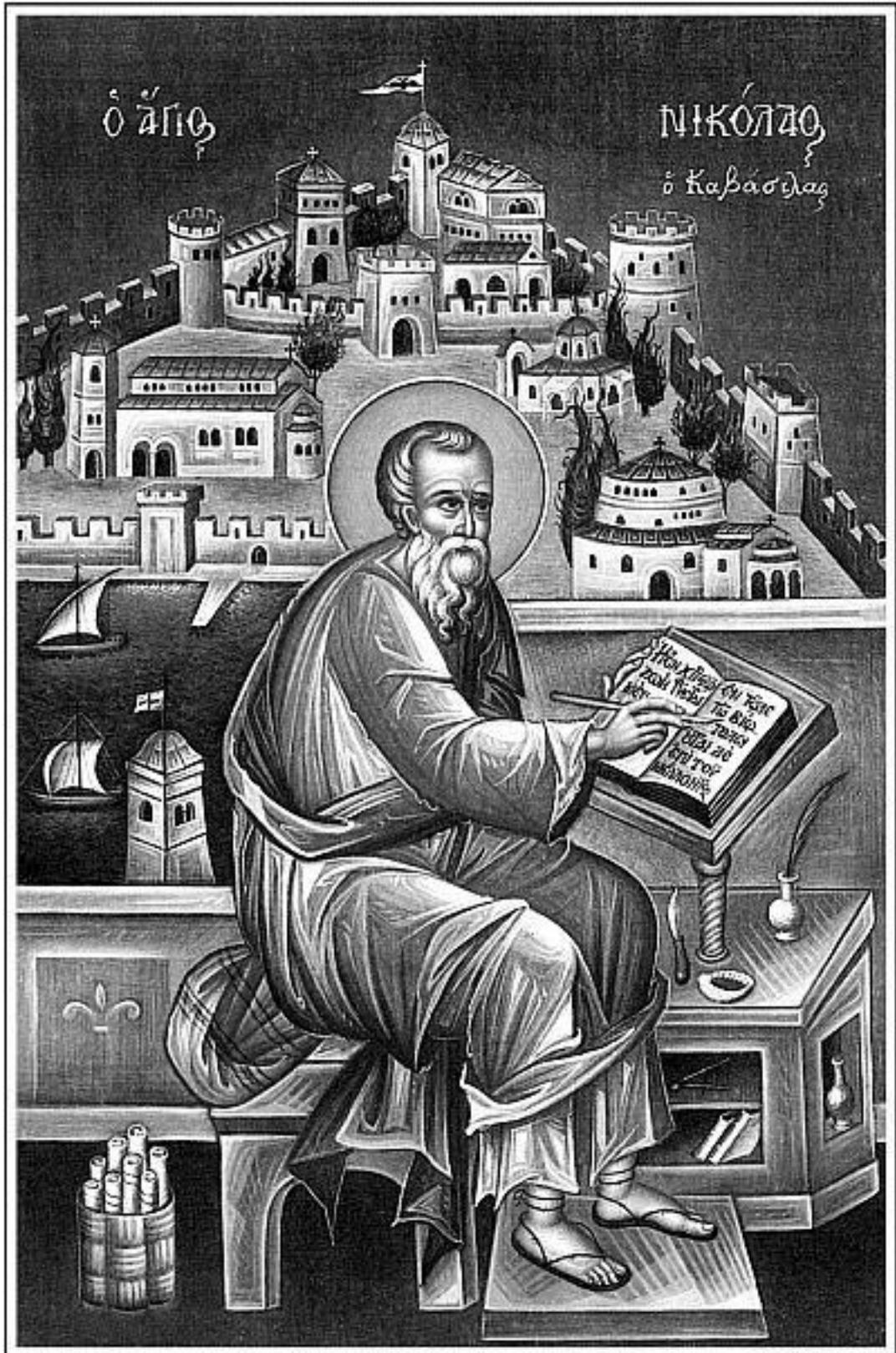

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви. ИС 14-410-1092

© Перевод, Никифорова А. Ю., 2001.

© Издательство Сибирская Благовонница 2015

«Изъяснение Божественной Литургии» печатается по изданию: Николая Кавасилы, архиепископа Фессалоникийского, изъяснение Божественной Литургии. СПб., 1857. «Изъяснение обрядов Божественной Литургии», «Изъяснение священных одежд» в переводе А. Ю. Никифоровой печатается по изданию: *Николай Кавасила*. Христос. Церковь. Богородица. М.: Издательство храма мученицы Татианы, 2007. С. 309–317.

Изъяснение божественной Литургии

1

Приготовление к Литургии

В священнодействии Святых Таин [Честные] Дары прелагаются в Божественное Тело и Кровь; цель его – освящение верных, которые через [приобщение] Святых Даров получают оставление грехов, наследие Царства Небесного и тому подобное. Пособием и приготовлением как по отношению к самому делу (преложению Святых Даров), так и в отношении к достижению цели (священнодействию) служат молитвы, псалмопения, чтения из священных книг – одним словом, все, что священносовершается и возглашается и перед освящением, и по освящении Даров. Ибо хотя Бог дает нам всякую святыню даром, и мы ничего не можем принести Ему, и [Его Дары] в строгом смысле [именно] дары, однако ж Он настоятельно требует от нас, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить; людям, не приготовленным к сему, Он и не подал бы освящения. Под таким условием подает Он [благодать] Крещения и Миропомазания; под этим условием допускает Он и к Своей вечере и преподает страшную Пищу, как это Он выразил в притче о семени, когда говорил: *вышел сеятель* – не обрабатывать землю, но – *сеять* (Мф. 13, 3), так что обработка и все вообще приготовление должно уже сему предшествовать.

Итак, поскольку столь необходимо, чтобы мы приступали к принятию Таин с таким добрым настроением и приготовлением, то должно было в состав священнодействия войти и оно [надлежащее приготовление], как и есть. Эту силу по отношению к нам имеют молитвы, псалмы, как и всё, что на Литургии священносовершается и возглашается. Ибо они освящают нас и благоустраивают и к надлежащему принятию святыни, и к сохранению и дальнейшему соблюдению ее в себе.

Освятят они нас двояким способом. Во-первых, мы получаем пользу от самих молитв, псалмов и чтений. Молитвы обращают нас к Богу, испрашивают нам отпущение грехов; равно и псалмопения умилоствивляют Бога и привлекают к нам помощь свыше. Ибо *пожри*, сказано, Богу *жертву хвалы* (Пс. 49, 14), *и избавлю тя, и прославиши мя*. Чтение же Священного Писания возвещает благость и человеколюбие Божие, а вместе с тем правду и суд, внедряет в

наши души страх Божий и воспламеняет любовь к Богу и таким образом вселяет в нас решительную готовность к исполнению Его заповедей. И все это как в священнике, так и в народе делает душу лучше, боголюбивее, делает и его [священника], и народ способными принять и соблюсти Честные Дары, что составляет цель священнодействия. В частности, священника это приготавливает к тому, чтобы он достойно мог приступить к совершению жертвоприношения, что составляет, как сказано выше, предмет таинственного священнодействия. Это приготовление и содержится в молитвах во многих местах: священник молится о том, чтобы не явиться ему недостойным предстоящего [священнодействия], но чтобы чистыми руками, душой и языком он мог послужить Таинству, и, таким образом, уже и самые слова, которые читаются и поются, сами по себе помогают нам при совершении [Таинства]. А во-вторых, и через это, а вместе и через все, что совершается в священнодействии, мы получаем освящение и другим способом: во всем этом мы созерцаем здесь образ Христа, Его дела по отношению к нам и Его страдания. Ибо и в псалмах, и в чтениях, и во всем том, что совершается священнослужителем в течение всего священнодействия, изображается Домостроительство Спасителя; то, что составляет первое в этом Домостроительстве, объясняется в первых действиях этого священнослужения, второе – во вторых, следующее за тем – в последних священнодействиях, так что у тех, кто смотрит на это, все те [обстоятельства] находятся как бы перед глазами. Так, например, освящение Даров, или самая Жертва, возвещает Его смерть, воскресение и вознесение: эти Честные Дары претворяются в самое Тело Господне – то самое, которое все это приняло на себя, которое было распято, воскресло и вознеслось на небо. А [священнодействия, которые] предшествуют этой Жертве, изображают то, что было до смерти [Спасителя], – Его пришествие, Его явление, Его окончательное вступление [в дело служения спасению рода человеческого]; а что следует после жертвоприношения – обетование Отца, о котором Сам Он сказал, сошествие на апостолов Святого Духа, обращение через них к Богу и введение язычников в общение с Богом.

Вообще, всё священнодействие есть как бы один образ единого Тела Царства Спасителя – образ, представляющий все его части от начала до конца во взаимном порядке и согласии. Таким образом, псалмы, которые поются в самом начале, все, что предшествует им, что совершается и говорится в предложении Даров, – все это означает первоначальное время Христова Домостроительства. А что следует за псалмами (чтение Священного Писания и прочее) изображает дальнейшее. Хотя выше показана другая польза от чтений и псалмопений, – ибо они введены, очевидно, для того, чтобы побуждать нас к добродетели и умиловать Бога, – однако ничто не мешает им иметь и такое назначение; одно и то же, конечно, может и вести верных к добродетели, и изображать Домостроительство Христово. Ибо как одежда выполняет, с одной стороны, простое назначение платья – прикрывать собою тело, а с другой стороны, смотря по тому, какая она бывает, показывает и ремесло, и образ жизни, и достоинство того, кто ее носит, – так точно и здесь.

Священное Писание включает в себе и богодухновенные изречения, и песни во славу Божию и побуждает к добродетели – через это оно освящает тех, кто читает его и поет; а благодаря тому, что избраны именно такие чтения и расположены именно в таком порядке, оно имеет и другое значение: довольно ясно изображает нам пребывание Христова [на земле] и Его Царство. И притом такой смысл имеет не только то, что поется или читается, но и то, что совершается. Каждая вещь совершается здесь по настоятельной надобности: она означает что-нибудь из дел Христовых, из Его деяний или страданий. Таков, например, вход в святилище с Евангелием или вход с Честными Дарами; то и другое делается по надобности: первое – для того, чтобы Евангелие потом читалось, последнее – для совершения жертвоприношения; [первое] означает явление Христа, [второе] – открытое вступление [в дело служения спасению рода человеческого]; одно – явление неясное, неполное, когда Он только что начал Себя открывать, другое – явление совершеннейшее, последнее. В числе того, что здесь совершается, конечно,

есть нечто и такое, что делается вовсе не для удовлетворения какой-нибудь нужды, но совершается только для выражения известной мысли, например прободение хлеба и изображение на нем креста, или то, что нож для прободения бывает устроена в виде копья, или, наконец, прилитие к Святым Дарам теплой воды. Много такого можно встретить и в других Таинствах, например в Крещении: крещаемые должны снять обувь и одежду и, обратясь к западу, протянуть руки и дунуть – через это внушается, какова должна быть в нас ненависть к злему духу и до какой степени должно простирается отвращение к нему в том, кто хочет быть истинным христианином; другое что-нибудь в этом же роде при совершении Таинств имеет другое какое-нибудь значение. А то, что совершается при священнодействии Святых Даров, имеет прямое отношение к Домостроительству Спасителя: чтобы созерцание этого Домостроительства, находящегося как бы у нас перед глазами, освящало наши души и таким образом мы делались способными к принятию Святых Таин. Как тогда это Домостроительство воскресило вселенную, так точно и теперь, если постоянно будем созерцать его, оно делает душу созерцающего лучше и боголюбивее. А если говорить точнее, то и тогда оно несколько не принесло бы пользы, если бы его не созерцали, если бы в него не веровали. Потому-то о нем и было проповедано и потому-то Бог и употребил бесчисленные средства для того, чтобы в него уверовали, ибо иначе оно не могло бы произвести и своего действия – спасти людей, если бы существование его было сокрыто от тех, кто должен был спастись. Но тогда об этом [Домостроительстве] только еще проповедовали, и оно возбуждало почитание Христа, веру и любовь к Нему в душах людей неведущих, – возбуждало, значит, чувства, которых не было, а теперь, когда оно с благочестивым усердием созерцается людьми, уже уверовавшими, оно не возбуждает в них этих благочестивых чувств потому, что они уже есть в них, а только сохраняет, обновляет, усиливает; оно придает им большую твердость в вере, большую горячность в благочестии и любви. Если уж оно в состоянии было дать бытие тому, чего не было, то еще легче, конечно, может это соблюсти, сохранить и обновить. Между тем благочестие, вера, любовь к Богу, полная горячности, – это все такие чувства, которые непременно мы должны иметь, приступая к Святым [Таинам], без которых даже и смотреть на них крайне нечестиво. Поэтому чин священнодействия, естественно, должен служить выражением того созерцания, которое бы могло возбудить в нас такие чувства, чтобы мы не умом только размышляли, но некоторым образом видели глубокую нищету Богатого, странническую жизнь Того, Кто объемлет всякое место, перенесение оскорблений Благословенным, страдания Бесстрастного; видели, до какой степени Его ненавидели, и, однако ж, как Он Сам любил, Кто Он был и как уничижил Себя, что претерпел, что сделал и какую после того уготовал нам Трапезу, – и, таким образом, пораженные удивлением при виде неожиданного спасения, изумленные множеством Его щедрот, мы почтили бы Того, Кто оказал нам такую милость, Кто даровал нам такое спасение, вверили Ему свои души, предали Ему свою жизнь и воспламенили сердце огнем любви к Нему; потом, достигнув такого состояния, безбоязненно, как свои, приступали бы к пламени Святых Таин. Ибо, чтобы достигнуть нам такого состояния, для этого недостаточно того, чтобы в известное время изучить все, касающееся Христа, и знать это; нет, для этого необходимо, чтобы око нашего ума было постоянно обращено к этим предметам, чтобы мы созерцали их, употребив все усилия к тому, чтобы удалить все другие помыслы, так как мы должны при этом иметь в виду сделать свою душу, как я сказал уже, способной к освящению. Ибо если мы будем иметь только понятие о благочестии, так что, когда нас спросят о нем, мы могли бы отвечать здраво, а когда нужно приступать к Таинствам, не будем созерцать всего как следует, а, напротив, внимание наше будет обращено на другие предметы, то от этого знания нам не будет никакой пользы, потому, что при этом в нас не может пробудиться ни одно из тех чувств, о которых было сказано, – мы будем иметь настроение, соответственное тем мыслям, которые будут занимать нас в это время, в нас будут преобладать такие чувства, какие они в состоянии пробудить. Поэтому-то и присвоен священнодействию такой вид, при котором одно не только высказывается сло-

вами, но и представляется подробно взорам; другое выражается во всем священнодействии для того, чтобы посредством этого удобнее действовать на наши души, чтобы в нас было возбуждено чувство, а не простое только созерцание, так как воображение при содействии глаз гораздо яснее представляет нам образы предметов; посредством другого не дать места забвению, не допустить мысли обращаться на другие предметы, пока дело не дойдет до самой Трапезы, чтобы таким образом, будучи исполнены таких мыслей и имея сознание в полной силе, мы приобщились Святым Таин, присовокупив к освящению освящение, к освящению в созерцании – освящение самым делом и преобразуясь от славы в славу, от меньшей в такую, которая больше всех. Вот смысл всего священнодействия, говоря вообще.

Далее надобно будет, по возможности, рассмотреть его с самого начала по частям: сначала предварительные молитвы, священные слова, священные песни и чтения; потом – самое священнодействие, самую Жертву; потом – освящение, которым при помощи этой Жертвы освящаются души христиан, как живых, так и умерших; потом – следующие за тем песни и молитвы [возносимые от лица] народа и священника к Богу, что нуждается в рассмотрении и объяснении; главнейшим же образом и постоянно [мы должны будем иметь в виду] Домостроительство нашего Спасителя, изображаемое во всем священнодействии, [объясняя,] какие предметы, относящиеся к этому Домостроительству, означаются теми или другими действиями в священнослужении.

2

Почему Честные Дары не с самого начала полагаются на престоле

Прежде всего рассмотрим то, что совершается и говорится в предложении [Святых Даров], и самое принесение и предложение Даров. Почему не сразу они приносятся для священной Жертвы на престол, но сперва предлагаются Богу как дары? Это потому, что древние приносили Богу жертвы, состоявшие в закалании животных, – жертвы кровавые, но приносили также и дары, как, например, золотые или серебряные вещи. А Тело Христово представляет собою и то и другое: оно было и жертвою (под конец, когда предано было на заклание ради славы Отца), но сначала оно было предложено Богу, служило честным даром Ему и как бы было принято [Им], с одной стороны, как начаток нашего рода, с другой же – по закону, потому что Он был первородный. По этой-то причине и то, что приносится ныне и чем знаменуется это Тело, не сейчас же возлагается как священная Жертва на престол (это бывает уже под конец), а сначала оно предлагается – служит и называется честными Дарами Богу. Так поступил и Христос, когда, взяв хлеб и вино в руки, показал Богу и Отцу, принося их Ему как дары, когда предложил, представил [их Ему]. Откуда это видно? Из того, что так поступает Церковь и называет это Дарами. Ибо она не делала бы этого, если бы не знала, что так поступил и Христос; она слышала Его повеление: *сие творите* (Лк. 22, 19), и если бы в этом [действии] не было сходства [с тем, как поступил Христос], тогда здесь не было бы с ее стороны подражания Ему.

3

О том, что Дары предлагаются Богу как начатки человеческой жизни

Какой же вид даров? Древние приносили начатки от плодов, стад, скота или от других тварей. А мы, как начатки нашей жизни, посвящаем Богу эти дары, служащие человеку пищей, посредством которой поддерживается телесная жизнь; мало того, жизнь не только поддерживается пищей – пища служит признаком жизни. «Мы ели и пили вместе с Ним по воскресении», – говорили о Христе апостолы, желая показать, что они видели Его живым. И Господь, когда воскресил одного мертвого, велел дать ему есть, чтобы посредством пищи удостоверить всех в его жизни (Лк. 8, 55). Кто начинает употреблять пищу, о том без малейшей несообразности можно заключать, что он начинает жить. Но, может быть, кто-нибудь скажет, что почти все, что приносили Богу и древние, также может служить пищей человеку? Это были плоды, над которыми трудятся земледельцы, и животные из числа употребляемых в пищу. Так что же? Все это служило начатками человеческой жизни? Нет. В числе этих предметов нет ни одного, который бы составлял пищу собственно человеческую, они служат пищей и для других животных: одни – для птиц и травоядных, другие – для плотоядных. Человеческой пищей мы называем то, что служит [пищей] исключительно человеку, а потребность в приготовлении хлеба для пищи, в изготовлении вина для питания свойственна только человеку. В этом самом виде и приносятся Святые Дары.

4

Почему нужно было, чтобы Дары служили начатками человеческой жизни

Какая же причина, какое основание того, что мы должны приносить эти дары Богу как начатки жизни? Это потому, что Бог за эти дары дает нам жизнь. А справедливость требует, чтобы дар не совершенно разнился от воздаяния, но чтобы имел с ним какое-нибудь сходство, и если последнее есть жизнь, то первый также должен быть жизнью, в каком бы то ни было смысле, особенно потому, что установитель дара и податель воздаяния есть один и тот же праведный Судия, всему полагающий вес и меру. Он заповедал приносить хлеб и вино; Он же и воздаст за это хлебом животным и чашею жизни вечной. Как апостолам за ловлю Он воздал ловлей же – за ловлю рыб ловлей людей, и богатому человеку, который предложил Ему вопрос о царстве, вместо земного богатства обещал богатство небесное, так точно и здесь, только наоборот: посредством чего Он имел дать нам жизнь вечную (я говорю о Животворящем Его Теле и Крови), то самое заповедал нам приносить под видом того, чем поддерживается временная жизнь, чтобы жизнь мы получали за жизнь, вечную жизнь – за временную, чтобы благодать имела вид воздаяния, чтобы безмерная милость заключала в себе и свою меру правды, – чтобы исполнилось изречение: *Я положу Свое милосердие на весы*. И так бывает не только в этом Таинстве, но и в Таинстве Крещения: мы получаем жизнь в обмен на жизнь, одну отдаем, другую вместо нее принимаем. Но отдавание жизни представляет, изображает собою смерть, а возвращение к жизни есть в собственном смысле жизнь. Так как Спаситель, вкусив смерть и воскреснув, благоволил и нас сделать участниками новой Своей жизни, то Он повелел нам, чтобы и мы приносили Ему что-нибудь из этого великого дара. Что же именно? Подражание Его смерти. Каким образом? Сокрывая свое тело в воде, как бы в гробе, и сделав это три раза. После этого Он принимает нас уже как участников в Его смерти и погребении и удостоивает нас Своей новой жизни. И здесь точно так же.

5

Почему полагается не весь хлеб, но вырезается особая часть

Надобно сделать несколько замечаний и касательно того, почему священник делает даром, предлагает Богу и, возложив на престол, освящает не просто те самые хлеба, какие будут принесены, а тот хлеб, который он сам от них изъемлет. Это также особенность, принадлежащая приношению Христову. Другие дары их владельцы отделяли от однородных с ними предметов, приносили в храм и отдавали в руки священников, а священники принимали и предлагали их, или приносили в жертву, или поступали так, как следовало с той или другой из принесенных вещей. Но Тело Христово отделено от предметов одного с ним рода, принесено, принято, предложено Богу и, наконец, принесено в Жертву самим же священником, потому что Сын Божий Сам избрал его для Себя, отделив его от нашего состава, Сам принес его в дар Богу, положив его в лоне Отца, так как Сам Он никогда не отлучался от сего лона, а пребывал там даже и после того, как создал это тело и облекся в него, так что оно уже было посвящено Богу с того самого времени, как только лишь получило образование, и, наконец, также Сам Он вознес его на крест и принес в Жертву. Потому-то и хлеб, который имеет быть преложен в Тело [Христово], сам священник отделяет от однородных с ним хлебов, сам предлагает Богу, положив его на священное блюдо, а потом, перенеся его на престол, приносит в Жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.